

ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Немного о терминах.
“Историческая антропология” или
“антропологическая история”

Книга: Историческая антропология

Лекция: Немного о терминах. "Историческая антропология" или "антропологическая история"

Автор лекции: Алия Масалимова

Цель – показать, каким образом утверждалась интерпретация термина «историческая антропология» в разных странах.

Формирование любой научной дисциплины всегда сопряжено с историей ее становления, поиска пропедевтических источников, образования научных школ и исследовательских направлений, особенности использования понятийного аппарата и смыслового значения употребляемых терминов и категорий. Историческая антропология не является исключением. Обстоятельства зарождения этой научной дисциплины обусловлено спецификой употребления самого термина для обозначения собственно названия направления, а также интерпретации смысла, который вкладывалось в это название. Важными факторами выступают страна происхождения, специфика языка, теоретическая база, разнообразие методологических подходов, научные традиции.

В науке нередко возникают дискуссии по поводу словоупотребления того или иного понятия или даже названия самой дисциплины. К примеру, существующее название «историческая антропология» дает пищу для неоднозначных толкований, зачастую далеких от того смысла, который вообще вкладывался первоначально основателями этого научного направления. И в этой связи возникает закономерный вопрос, почему закрепилось именно название «историческая антропология», а не «антропологическая история»?

Автор учебника М. Кром, напоминая нам о том, что «во Франции в 70-е гг. XX столетия некоторое время существовали разные термины для обозначения зарождающегося направления: «этноистория», «антропологическая история», «историческая антропология», - и в итоге утвердилось последнее из перечисленных названий», в этом он видит безусловную заслугу конкретных персоналий, таких ученых, как Жак Ле Гофф и Андре Бюргьер.

Известный французский ученый, историк-медиевист Жак Ле Гофф внес свой вклад именно для такого обозначения сформировавшегося научного направления. Эволюция его взглядов позволяет проследить каким образом от использования выражения «этнологическая история» в начале 1970-гг. он приходит к термину «историческая антропология».

Для более глубокого понимания эволюции взглядов известного французского историка имеет смысл обратить внимание на некоторые факты из его биографии, профессионального становления и, в частности, о его книге «Другое Средневековье», в которой он ставит задачу создания «исторической антропологии».

Многочисленные биографические источники свидетельствуют о том, что Жак Ле Гофф приводил примеры из личного опыта и жизни своих родителей. Отец и мать сильно повлияли на Жака Ле Гоффа, особенно в выборе образования и просвещения общественности. По его собственным словам, воспитание, полученное им в детстве, сыграло в дальнейшем свою роль в определении круга его интересов как историка. «Антиклерикализм отца и пронизанное страхом ада благочестие матери определили его негативное отношение к религии и больший интерес к изучению религиозного воображения и чувства, нежели к теологии как таковой». Он описывал своего отца как преданного и честного человека и стремился понять поведение своих родителей, тем самым выясняя, как может быть сформировано общественное отношение и поведение, как влияет история, тенденции и значимые события на людей.

В этой связи Жак Ле Гофф, ссылаясь на высказывание Эмиля Сувестра, французского писателя и драматурга в предисловии к его книге «Бретонское крестьянское хозяйство» (1844), размышляет о том, как может история являться полным отражением жизни народа, как можно ее писать без знания наиболее характерных черт этой жизни. Можно ли полноценно описывать общественную жизнь народа, не зная тонкостей его домашней жизни. Как историк может знать о повседневных привычках, образе жизни, желаниях каждого человека? И солидарен с Эмилем Сувестром в том, что «сведения о подлинной жизни нации можно почерпнуть главным образом в народных традициях». (Soutxstre E. Le Foyer breton. Verviers, 1975. P. 10).

В истории, пишет Ле Гофф, он склонен не столько к фабуле и повествованию, сколько к упорядочению и объяснению, к поиску глубинных и продолжительных процессов. Ле Гофф подчеркивает: «Я хочу быть гражданином с тем, чтобы быть хорошим историком, и быть человеком своего времени, для того чтобы полнее быть человеком, поглощенным прошлым». Он рано осознал, что историк не может ограничивать себя только знанием исторического «ремесла», необходимы полидисциплинарные подходы, которые дали бы ему возможность исследовать феномены духовной жизни в связи с социальными структурами.

Французская антропологическая школа, от Марселя Мосса до Клода Леви-Строса, предложила ему новый вопросник, с которым он обращается к историческим источникам, и новые методы их исследования. Уроки сравнительного метода он получил в трудах Марка Блока и Жоржа Дюмезиля французского

Книга: Историческая антропология

Лекция: Немного о терминах. "Историческая антропология" или "антропологическая история"

Автор лекции: Алия Масалимова

лингвиста, мифолога и филолога-компаративиста.

В своем автобиографическом очерке, названном «Аппетит к истории», Ле Гофф замечает, что ему чужда «бесплотная история идей»; подобно Марку Блоку, он стремится изучать духовную жизнь на уровне масс и сосредоточивать внимание на их ментальностях и латентных системах ценностей. При этом ни в коей мере не сводя, историю общества к истории ментальностей, ибо, по его выражению, «в то время как общества грезят, историк должен оставаться бодрствующим».

Я принадлежу к поколению историков, отмеченных печатью проблематики «долговременности» (*longue duree*), пишет о себе Ле Гофф. Она возникла под влиянием трех источников: марксизма, и первоначального и модернизированного, Фернана Броделя и этнологии. Из всех наук, названных неудачным словом «гуманитарные» (почему бы не назвать их просто «социальные?»), наиболее плодотворный и непринужденный диалог история ведет именно с этнологией (несмотря на некоторые недоразумения и взаимное неприятие).

Для моего поколения Марсель Мосс, пусть с опозданием, стал той закваской, какой пятьдесят лет назад, тоже с опозданием, стал Дюркгейм для лучших историков межвоенного периода. В одной из работ, представляющей собой лишь первую веху на пути осмысления и освоения, я писал, что хотел бы углубить и сделать определеннее отношения, которые история и этнология поддерживали в прошлом и возобновляют в настоящем.

Хотя я солидарен с исследователями, предпочитающими термину «этнология», несущему отпечаток эпохи европейского колониализма, термин «антропология», применимый к любой культуре, и хотя я с большей охотой стал бы говорить об исторической антропологии, чем об этно-истории, все же замечу, что если некоторые историки соблазнились этнологией, поскольку она выдвинула на первый план постижение различий, то этнологи в то же время ориентируются на единую концепцию человеческих обществ и даже на концепт человека, не известный истории и прежде, и теперь».

В предисловии к своей книге «Другое Средневековье» Ле Гофф пишет, что его внимание обращено на два понятия - труда и времени с целью проследить их идеологические трансформации в конкретных общественных условиях развития. Поскольку он был убежден, что отношение к труду и времени суть основные структурные и функциональные аспекты общества и что их изучение - наилучший способ познания истории общества.

Иначе говоря, он проследил эволюцию в понимании труда начиная с библейского периода, когда труд понимался как наказание и в раннем Средневековье, где труд стал равнозначен-оправданию, в конечном счете становился залогом спасения. То есть, начиная с XIII века, по мнению Ле Гоффа между трудом физическим и умственным стало происходить размежевание. Повышение ценности труда, создавало больше возможностей извлечения выгоды из работника и способствовало растущему отчуждению трудящихся.

Что касается времени, то он исследовал, «кто и как изменял его и господствовал над его новыми формами в средневековом западном обществе.

«Изменения, преобразующие понятие времени, также свидетельствуют о глубинных переменах в сознании эпохи. Раньше думали, что время - дар Божий - не может быть предметом торговли». Новое представление о времени формируется в середине XII в. в художественной литературе. «Параллельно происходят изменения в ментальности, касающиеся науки. Они связаны, в частности, с развитием образования.

Ле Гофф весьма интересно разъясняет как менялось отношение ко времени и в то же время, что именно послужило толчком для появления первых европейских университетов в эпоху Средневековья. «Начинается эпоха, когда обучение, дотоле являвшееся монополией монастырских школ, берут в свои руки миряне, а некоторые из них делают это своей профессией и источником средств к жизни. По диатрибе св. Бернарда против «торговцев словами» (*venditores verborum*) можно понять, сколь скандальной представлялась людям традиционных взглядов оплата занятий наукой: ведь возможность занятия ею - дар Божий - не должна вознаграждаться деньгами. Изменение воззрений в этой области дало толчок к возникновению университетов», - подчеркивает французский ученый.

Далее он выделяет еще один важный фактор: «Создание купеческих и университетских корпораций («*universitas*» и обозначает «объединение», «корпорация») свидетельствовало о том, что идеологические препоны, мешавшие развитию этих новых профессий, были преодолены. В обоих случаях это происходило одним и тем же образом. И торговец, и преподаватель получали оправдание и законное обоснование своим занятиям, так как было признано, что они трудились, а не обогащались пассивно».

Подчинение времени, власть над временем представляются важнейшим элементом функционирования

Книга: Историческая антропология

Лекция: Немного о терминах. "Историческая антропология" или "антропологическая история"

Автор лекции: Алия Масалимова

обществ». Сам Ле Гофф признает, что он не был первым, кто интересовался тем, что можно назвать «время горожан». Но он «попытался увязать с теологическим и интеллектуальным процессом новые формы освоения времени: башенные часы, деление суток на 24 часа, а затем и индивидуализированную форму - карманные часы». Он обнаружил, что «в разгар «кризиса» XIV века труд и время были тесно связаны. Время работы оказалось важной ставкой в великой борьбе людей и социальных категорий».

Проследив эволюцию взглядов французского историка, нельзя не упомянуть о его интересе к истории культуры, а также о влиянии на его мировоззрение Мориса Ломбара, которого он называет «величайшим из известных мне историков».

Ле Гофф признает, что «он обязан Морису Ломбару главным научным и интеллектуальным потрясением в моей профессиональной жизни. Я обязан Морису Ломбару не только тем, что открыл для себя большие пространства цивилизации, а значит, перестал отделять пространство от времени, великие горизонты от больших длительностей, не только пониманием того, что западный средневековье, даже если он опасно замыкается в своем пространстве, так как потребность в узких специалистах все еще существует, должен обращать свои взгляды к Востоку - поставщику товаров, техник, мифов и грез,- но и потребностью в тотальной истории, где культура и материальная цивилизация взаимодействуют в ходе социоэкономического анализа обществ».

Необходимость в историко-культурных изысканиях была обусловлена потребностью иметь некий инструмент анализа и исследования. Ученый -медиевист так объясняет: «Я столкнулся с противопоставлением культуры ученой и культуры народной. Здесь не все однозначно. Ученую культуру определить не так просто, как кажется, а народная культура отмечена двусмысленностью эпитета «народная».

Другими словами, Ле Гофф говорит о том, что существуют хронологические и географические рамки, языковые (включающие письменные, так и устные источники), институциональные (включая школы, университеты, коллегии, studia) основы социально-культурной деятельности, политические факторы использования знаний, что в совокупности представляют нам целый ряд явлений и исторических событий. «Поэтому через тексты я отправился на поиски исторического фольклора. - пишет ученый. Уходя в сторону сказок и грез, я не покинул понятий труда и времени. для того, чтобы разобраться, как общество функционирует и - решить наиглавнейшую задачу историка – понять, как оно видоизменяется».

Предисловие своей книги он завершает такими словами: «Я хотел бы сейчас перейти к задачам более масштабным, и представленные здесь статьи являются первыми вехами на этом пути. Содействовать созданию исторической антропологии доиндустриального Запада... И при этом определить, исходя из квалификации и опыта средневековиста, методы новой дисциплины, адаптированной к новым объектам истории... Дисциплины, которая определила критические методы новой концепции источника, концепции источника-памятника, закладывающей основы новой хронологической науки, которая будет не просто линейной, но сформулирует научные требования к легитимному компаративизму, то есть такому методу, который не позволит сравнивать невесть что с чем угодно, невесть когда и где угодно».

Таким образом, за термином «историческая антропология», употребленным Ле Гоффом, по мнению автора учебника М. Крома, «скрывается метафора: средневековист - это антрополог, погружающийся в глубины Прошлого». Вместе с тем, хотелось бы отметить, что именно благодаря научным статьям французского исследователя, его интерпретации основных вопросов европейской истории, общественной жизни, политики, экономики, религии и культуры, мы имеем возможность проследить каким образом давние историографические традиции преосмыслились и формировались в виде новых концепций, которые глубоко преобразовали современную историческую науку.

Наряду с Ле Гоффом, как мы уже упоминали, важную роль в становлении исторической антропологии сыграл Андре Бюргер.

Андре Бюргер родился в 1938 году в Париже, является представителем четвертого поколения французской исторической Школы «Анналы». Основные труды по истории семьи, внес существенный вклад в развитие истории ментальности и исторической антропологии. В 1969–1976 годах учёный секретарь Журнала «Анналы».

Работал в качестве приглашенного профессора в университетах США: Мичиганский университет, Нью-Йоркский университет, Калифорнийский университет в Беркли, Виргинский университет.

В начале 1970-х годов продюсировал научно-популярные программы по истории на радио и телевидении, а также публиковал во французском еженедельном журнале «Новый обозреватель» серию статей по актуальным проблемам общественной жизни Франции. Появление школы «Анналов», с точки

Книга: Историческая антропология

Лекция: Немного о терминах. "Историческая антропология" или "антропологическая история"

Автор лекции: Алия Масалимова

зрения автора, знаменовало собой не рождение, а возрождение антропологической истории.

А. Бюргер в своей статье «историческая антропология», опубликованной в энциклопедическом однотомнике «Новая историческая наука», задается вопросом для чего понадобился термин «историческая антропология»? Чем отличается она, с одной стороны, от традиционной истории повседневности, рассматривающей формы жизни как декор «Большой истории», а с другой стороны – от самой «Большой истории», т.е. анализа экономических и социальных отношений?

Историческая антропология не имеет какой-то специфической только для нее области исследования. Сюжеты, ею рассматриваемые, могут составлять предмет изучения и других отраслей исторической науки. Но историка-антрополога интересует, прежде всего, «человеческий резонанс» исторической эволюции, модели поведения, которые она порождает или изменяет.

А. Бюргер подчеркивает свое нежелание давать исторической антропологии завершённое определение. Быть может, пишет он, историческая антропология в гораздо большей степени отражает состояние исторической науки в целом, чем представляет отдельный ее сектор. В настоящее время историческая антропология притягивает к себе новые методы и новую проблематику так же, как в 50-е годы их притягивали к себе экономическая и социальная история.

Бюргер выделяет некоторые направления историко- антропологического исследования:

- История питания
- История телесности
- История сексуального поведения

Обращаясь в заключение к перспективам исторической антропологии, Андре Бюргер констатирует, что наиболее плодотворным историко-антропологическое исследование оказывается в настоящее время в области изучения ментальностей. Понятие ментальности достаточно неопределенно и достаточно открыто, чтобы с его помощью освоить вклад других дисциплин. Было бы опасно заключать его как в чисто психологические рамки, так и в рамки истории идей, которой свойственно выводить ментальности из доктрин и интеллектуальных творений ученых людей.

В области изучения ментальностей историческая антропология завоевывает прежде всего «историю снизу». Она подвергает изучению наименее сформулированные элементы культуры: народные верования, обряды, пронизывающие повседневность, культуру социальных меньшинств. Однако все это – часть цельной системы представлений общества о мире и значит как-то связано с наиболее разработанными интеллектуальными конструкциями - правом, религиозными доктринами, философскими и научными учениями. Обнаружение этой связи, по мнению Бюргера, - одна из самых серьезных задач исторической антропологии.

Продолжая тему нашей лекции касательно возникновения термина «историческая антропология», рассмотрим, как обстояла ситуация в Великобритании. Что интересно, термин «историческая антропология» там не прижился. Впервые появившийся в 1970 г. в подзаголовке монографии Алана Макфарлейна о семейной жизни священника XVII века он надолго исчез и появился только в книге Питера Берка «Историческая антропология Италии начала Нового времени» (подробно об этой книге мы будем вести речь в последующих лекциях). Так вот в этом контексте представляет интерес так сказать «судьба» самого термина, вынесенного в ее заглавие.

В интервью в 2001 г. немецкому журналу «Историческая антропология» Питер Берк заметил, по поводу своей работы 1987 года. Что хотя, конечно, он не был первым, кто использовал термин «историческая антропология», однако, ему не приходит в голову ни одна другая английская книга с подобным названием. По словам Берка, он переставил слова, назвав то, что написано в той книге «антропологической историей». На вопрос «почему?», британский ученый дает такое пояснение, что он изучает историю с «антропологическим уклоном», но при этом, чтобы не создавалось мнения о нем как об антропологе, так как он систематически полевой работой не занимается.

Это интервью с Берком свидетельствует о том, что в британской академической традиции, в отличие от французской, существуют символические границы между отдельными научными дисциплинами, которые практически незыблемы. То есть историк даже метафорически не может называться антропологом, это - разные специальности. Возможно, в виду этой причины, по мнению М. Крома «такой междисциплинарный гибрид, как историческая антропология не получил права гражданства в британском научном дискурсе».

В Германии сложилась несколько иная ситуация. С момента введения в научный оборот термина «историческая антропология» Томасом Ниппердаем в 1967г., он прочно укоренился в историографии.

Книга: Историческая антропология

Лекция: Немного о терминах. "Историческая антропология" или "антропологическая история"

Автор лекции: Алия Масалимова

Безусловно, тому причиной было сильное влияние Школы «Анналов» особенно в 70-е гг., а также наследие немецкой философской антропологии.

И, как комментирует М. Кром, «обманчивая легкость всеобщего признания исторической антропологии в Германии таила в себе опасность соединения под одним термином совершенно различных исследовательских программ. И этот плюрализм в понимании исторической антропологии проявил себя в немецкой историографии уже в 80-90-х гг. 20 века».

«Судьба исторической антропологии в России тоже весьма любопытна. Распространение эта дисциплина получила сравнительно недавно, в конце 1980гг. в качестве привнесенного извне научного термина, а точнее заимствованный из зарубежной историографии. В российской научной среде, данный термин всколыхнул устоявшиеся границы дисциплин и внес сумятицу в общепринятый реестр научных специальностей, спровоцировав дискуссии между академиками.

В 1989 г. выходит программная статья А. Я. Гуревича об исторической антропологии и вместе с ним публикуется статья академика В.П. Алексеева под названием «Не возникнет ли путаница?» В ней академик Алексеев поддерживает Гуревича относительно изучения истории ментальностей, но категорично выражает свое несогласие с используемой терминологией.

Одним из объяснений такой ситуации является тот факт, что в России, равно как и у нас в Казахстане, под антропологией было принято понимать раздел биологической науки, изучающей морфологию человека и его происхождение. По мнению, Алексеева историческая антропология принадлежит именно к этой (биологической) отрасли знания, а направление, о котором пишет А.Я. Гуревич правильнее отнести к исторической психологии.

Спустя десятилетие уже в 1998г. в российской науке произошло признание исторической антропологии в ее международном значении, но в опять-таки как части биологической науки. И, говоря словами М. Крома, произошло новое определение предмета изучения, в данном случае, физической антропологии, но при этом, «за десять лет произошла новая демаркация границ между дисциплинами и непрошенной гостье с нетрадиционным и нелогичным названием нашлось-таки место в системе российского гуманитарного знания».

Время от времени возникают споры по поводу неудачности названия «историческая антропология» и предлагаются новые термины, такие как например, «новая культурная история». М. Кром, анализируя сложившуюся ситуацию, по этому поводу пишет, что «подобные инициативы» не имеют под собой оснований и не смогут внести изменения в уже устоявшиеся в современной науке термины.

Главное все эти обозначения, названия, заголовки не просто важны сами по себе, а они имеют значение как обозначение существующих различий между близкими, но не идентичными вариантами антропологически ориентированной истории.

Ответ на вопрос, поставленный в самом начале нашей лекции, М. Кром дает следующим образом. «В науке не утвердилось, казалось бы, более «логично» название «антропологическая история», потому что ни одна группа исследователей не избрала этот термин в качестве своего «знамени».

Основные термины

Антропологическая история, концепт «труда», время, университет.

Дополнительные ресурсы по теме лекции

1. Гуревич А.Я. Историческая наука и историческая антропология // Вопросы философии. - 1988. - № 1. - С. 57.
2. Гуревич А.Я. Историческая антропология: проблемы социальной и культурной истории // Вестник АН СССР.- 1989. - № 7. - С. 73-74.
3. Гуревич А.Я. История в человеческом измерении (Размышления медиевиста) // НЛЮ. № 75. - 2005.- С. 39-40.
4. Бюргер А. От серийной к комплексной истории: генезис исторической антропологии // Номо Historicus. К 80-летию со дня рождения Ю.Л.Бессмертного. Кн.1.- М., 2003.
5. Историческая антропология: место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации: Тезисы докладов и сообщений научной конференции / Отв. ред. О.М. Медушевская. М., 1998.
6. Ле Гофф Ж. Другое Средневековье: Время, труд и культура Запада. - Екатеринбург, 2002.